

неустроенностью строителей. Туркестано-Сибирская магистраль предстает в исследовании не просто как технический прорыв, а как сложное пространство социальных взаимодействий, где за абстрактными планами скрывались судьбы тысяч людей. Возвращение имени М. Тынышпаева и анализ повседневности через объектив фотокамеры являются необходимым условием для честного диалога с прошлым и восстановления исторической справедливости в современном Казахстане.

Список использованных источников:

1. Вдовина Т.В. Визуальные исследования: основные методологические подходы // Вестник РУДН. Серия Социология. – 2012. – № 1. – С. 16-26.
2. Официальный сайт ЦГА КФДЗ РК [Электронный ресурс]. — URL: <http://kfdz.kz> (дата обращения: 16.10.2025).
3. Солькин А. Ф., Будрейка Б. Ф. Турксиб (к соединению укладки рельсового пути 1 мая 1930 г.). — Москва–Алма-Ата, 1930. — 26 с.
4. Каганович Л. М. Технические эксплуатационные правила железных дорог СССР («SSSR темір жолдарының ТЕХНИКАЛЫҚ ЕКСПЛУАТАТСЫА ЕРЕЖЕЛЕРІ»)/ НКПС СССР. — Алма-Ата: Тип. газ. «Турксиб», 1940.- 157с.
5. Мазоренко Д., Тойшибекова А. «Турксиб» современники // Власть: аналитический интернет-журнал. Мультимедийный проект «Земля». – Режим доступа: <https://vlast.kz/earth/20078-turksib-sovremenniki.html>. – Дата обращения: 16.10.2025г.
6. Турксиб. Бюджет и быт рабочего-строителя на постройке Туркестано-Сибирской железной дороги.— М.: Изд. Отдела экономики труда Управления Турксиба, 1929. — 45 с.
7. Рыскулов Т. Турксиб. — Москва-Ленинград: Государственное издательство (Госиздат), 1930. — 74 с.
8. Полчаева Ф. А. Использование визуальных источников в историческом исследовании (на примере иллюстраций В. Ф. Тимма) // История, археология и этнография Кавказа. — 2019. — Т. 15. — № 3. — С. 376–389.
9. Турксиб: Сборник статей участников строительства Туркестано-Сибирской железной дороги/ Сост. З. Островский; под ред. Д. Сверчкова. — М.: Транспечать НКПС, 1930. — 256 с.
10. Рахматуллина Е. Ю. Программа модернизации транспортной структуры Восточного Казахстана 1920–1941 гг. // Индустриальное строительство в Центральной Азии: историческое значение для региона: Мат. Межд. науч. конф. — Барнаул, 2020. — С. 140–148
11. Исхаков С. Малоизвестные фотографии Мухамеджана Тынышпаева и Мустафы Шокая // Вестник Атырауского университета имени Х. Досмухамедова. — 2023. — № 4 (71). — С. 6–15.

Кисина С.Н., Карагандинский национальный исследовательский университет имени академика Е.А.Букетова, исторический факультет, гр. ИО-23-4р, студент)
(*Научный руководитель — к.и.н., ассоциированный профессор кафедры археологии, этнологии и Отечественной истории Абдрахманова К.К.*)

ОТ ЗВОНКА ДО ЗВОНКА: ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СОВЕТСКОГО ПЕДАГОГА В ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЯ

В центре современной исторической науки все отчетливее проявляется так называемый «антропологический поворот» — исследовательский интерес смещается от анализа глобальных государственных институтов к изучению «малых жизненных миров» и повседневных практик обычного человека [1, с. 8]. Если раньше внимание историков концентрировалось преимущественно на политических решениях, партийных съездах и экономических показателях, то сегодня особую значимость приобретает изучение того, как жил и работал конкретный человек в условиях определенной эпохи. Советская школа традиционно рассматривалась как идеологический бастион и кузница кадров для «великих строек», однако за рамками парадных отчетов Облоно оставался сам педагог — человек, чья жизнь была жестко детерминирована ритмом «от звонка до звонка» [2, с. 11]. Повседневность учителя — это не только методика преподавания, но и является сложной системой практик выживания, социальной адаптации и профессионального подвижничества в условиях хронического дефицита и тотального идеологического контроля [3, с. 97].

Актуальность темы связана с необходимостью более взвешенного взгляда на образ советского учителя. В общественном сознании он часто колеблется между двумя крайностями: идеализированным образом безликой фигуры, полностью подчиненной системе. Обращение к архивным документам, таким как уникальные отчеты из Ф.469 ГАКО (Отдел образования) и личным воспоминаниям, позволяет реконструировать реальный социально-психологический портрет учительства — самой многочисленной группы интеллигенции, формировавшей мировоззрение поколений в условиях, когда школа была «плацдармом для наступления на культурную отсталость» [4, с. 96].

Объектом исследования непосредственно является советское учительство послевоенного периода в Центральном Казахстане.

Предмет исследования составляют повседневные практики, условия труда, социальный статус и особенности профессиональной деятельности советского педагога.

Целью исследования данной темы является на основе архивных материалов и воспоминаний реконструировать повседневную жизнь учителя и показать ее многогранность.

Реализация цели исследования определила задачи исследования:

- проанализировать материальные условия труда;
- раскрыть финансовые положения;
- охарактеризовать идеологическую нагрузку;
- выявить особенности восприятия образа учителя в памяти поколения.

Исследование повседневности педагога в Центральном Казахстане, особенно в послевоенный период и 1950-е годы, открывает картину школьной жизни, далекую от официальных отчетов. Согласно отчетным документам отдела образования, материальная база школ в начале 1950-х годов находилась в критическом состоянии. Многие учебные заведения Карагандинской области размещались в приспособленных саманных зданиях с «безоткатными крышами», тесными классами и земляными полами [5, л. 3]. В сельской местности, к примеру, в Осакаровском и Ворошиловском районах, ситуация осложнялась отсутствием электричества: уроки велись при свете керосиновых ламп. Учителя были вынуждены объяснять сложный материал буквально «на пальцах», так как в ряде школ не было ни одной физической карты [5, л. 5]. Особо остро стоял вопрос переполненности. В 1950-е годы школы Караганды, Балхаша и Темиртау работали в три, а иногда и в четыре смены. Архивные отчеты ГАКО фиксируют, что из-за нехватки кадров учителя имели колоссальную нагрузку — от 30 до 69 часов в неделю [5, л. 18]. Учитель был обязан не только учить, но и выполнять функции хозяйственника: педагоги сами участвовали в заготовке дров и топке печей, чтобы в классах, где температура порой не поднималась выше нуля, дети могли держать в руках ручки [5, л. 4]. Санитарно-гигиеническое состояние школ в рабочих поселках (Старый Майкудук и др.) часто было удручающим: отсутствие водопровода вынуждало подвозить воду для питья и котельных на лошадях.

Финансовое положение советского учителя на протяжении десятилетий во многом оставалось противоречивым. С одной стороны профессия считалась уважаемой, с другой — уровень дохода зачастую не соответствовал объему выполняемой работы. В 1920–1930-е годы зарплата учителя была значительно ниже заработка рабочего]. В послевоенный период ситуация оставалась сложной: зарплата начинающего специалиста в 1950-е годы составляла около 85–115 рублей (в масштабе цен 1961 г.), что едва покрывало расходы на питание, в то время как средняя зарплата в промышленности достигала 185–230 рублей [6, с. 114]. Чтобы «свести концы с концами», учителя были вынуждены брать дополнительные ставки («полторы-две»), что фактически лишало их личного времени.

В сельской местности педагог часто оказывался единственным человеком, получавшим денежную зарплату. Это порождало уникальную практику «тетрадочек в долг», когда односельчане занимали у педагога небольшие суммы до лучших времен. Однако быт самого учителя оставался крайне скромным. Жилищные условия учителей в Караганде зачастую были хуже, чем у шахтеров: если горняки получали квартиры в новых домах, то педагоги годами ютились в коммунальных квартирах или бараках, где на одного человека приходилось менее 3–4 кв. м площади [7, с. 147]. Бюджет времени учительницы был перегружен тяжелым домашним трудом (стирка вручную, готовка), на что уходило до 4–5 часов в сутки.

Советский учитель официально считался «проводником идей коммунизма». Его рабочий день не заканчивался с последним звонком. Обязательным элементом повседневности была общественная нагрузка, в которую входила агитация на избирательных участках, читки газет населению, переписи детей. Особым пластом была антирелигиозная работа. Согласно архивным источникам, учителей обязывали посещать дома учеников для выявления икон и проведения «воспитательных бесед» с верующими родителями [8, с. 382]. Педагоги должны были «вытравливать религиозные пережитки», разоблачая «вредность» причащения из одной ложки и «антинаучность» библейских сюжетов на уроках астрономии и биологии [8, с. 385].

Однако в реальной жизни всё было значительно сложнее. Нередко возникало так называемое «двойное сознание»: внешняя лояльность системе сочеталась с личными убеждениями. В воспоминаниях старожилов описываются случаи, когда учительницы «занавешивали окна и ночью красили яйца к Пасхе», боясь доносов коллег и увольнения. Любое неосторожное слово могло стать причиной вызова «на ковер» или политической чистки, как это случилось с директором школы №10 г. Караганды Гордеевым, снятым с работы за «бездеятельность и потерю контроля над всеобучем».

Архивные материалы отдела образования позволяют заглянуть внутрь учебного процесса. В 1951–1952 учебном году учителя области вели непримиримую борьбу со «второгодничеством». В отчетах упоминаются лучшие педагоги, такие как тов. Суменевич (СШ №13 г. Караганды) и Кац Л.Ф., работавшие без второгодников. Но были и другие примеры: учительница Зорина (СШ №54) подвергалась критике за то, что на ее уроках «не было определенного порядка», а дети не знали основ грамматики.

Особой проблемой оставался «отсев» учащихся, особенно девочек-казашек, которых родители пытались выдать замуж в несовершеннолетнем возрасте. Педагоги были обязаны вести разъяснительную работу с такими семьями, возвращая детей в школы буквально силой государственного авторитета. При этом сама школа была пространством строгой дисциплины: правила поведения учащихся («20 школьных правил») писались крупным шрифтом и вывешивались на видных местах, а за их нарушение вызывали на заседания учкома.

К середине XX века профессия стала преимущественно женской — более 63% учителей составляли женщины. В памяти поколения образ учителя — это эталон строгости и чистоты. Несмотря на тотальный дефицит товаров, педагог всегда должен был выглядеть безупречно. По воспоминаниям учеников Караганды 1950-х годов, учительницы носили строгие закрытые платья с «белоснежными воротничками» и аккуратно уложенные волосы. Для детей, живших в бараках и землянках, такая учительница была символом высшей культуры.

Статус учителя в советском обществе был почти сакральным. В магазинах им безмолвно уступали очереди, родители наставляли детей: «Учитель всегда прав» [9, с. 222]. Это уважение держалось не на партийных директивах, а на искренней преданности делу. Педагоги стремились превратить труд в «радость творчества», отставая после уроков, чтобы подтянуть слабых [10, с. 73]. Эта преданность делу создала уникальную этическую среду, которую современные респонденты до сих пор вспоминают с теплотой как «святое время».

Повседневность советского педагога была пространством подвига, зачастую незаметного. Ритм «от звонка до звонка» требовал от человека полного самоотречения. Учитель жил в условиях жестких противоречий: между высоким званием «инженера человеческих душ» и необходимостью заготавливать дрова для школы; между идеологическим прессингом и искренней любовью к детям.

Рассмотрение повседневной жизни советского педагога на основе архивных материалов и воспоминаний современников позволяет увидеть за официальным образом «проводника идеологии» живого человека, работавшего в сложных и противоречивых условиях. Материальный дефицит, перегруженность, многосменный режим, общественная и идеологическая нагрузка были неотъемлемой частью его профессиональной реальности. Однако именно в этих обстоятельствах формировалась особая педагогическая культура, основанная на ответственности, внутренней стойкости и искренней преданности детям. Архивные документы раскрывают административную сторону школьной жизни, тогда как личные воспоминания передают эмоциональное измерение — страхи, сомнения, надежды и чувство долга.

Анализ этого пласта истории через призму воспоминаний и архивных документов Карагандинского региона (Дело 186 и др.) позволяет сделать вывод: именно этот ежедневный труд, лишенный комфорта, но наполненный смыслом, создал уникальную образовательную среду. Советский учитель в памяти поколения остался не агитатором и не «винтиком системы», а мудрым наставником, чей авторитет базировался на глубокой человечности и культуре, пронесенной через все тернии советской эпохи.

Таким образом, обращение к повседневности позволяет преодолеть односторонние оценки и увидеть в советском педагоге не только представителя государственной системы, но и личность, чья роль в формировании исторической памяти поколений была по-настоящему значимой.

Список использованной литературы

1. Астафьев Д. А., Годовова Е. В. Историография истории советской школьной повседневности // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2022. — Т. 28, № 1. — С. 8–23.
2. Белова Н. А. Повседневная жизнь учителей / отв. ред. М. Ю. Мартынова. — М.: ИЭА РАН, 2015. — 228 с.
3. Жумашев Р. М., Мырзахметова А. Ж., Оте Д. Исследование истории развития отечественного школьного образования в трудах советских ученых Казахстана // Вестник Карагандинского университета. Серия «История». — 2020. — № 1(97). — С. 96–103.
4. Повседневность городов Центрального Казахстана в 1946–1960 годы: Сборник документов и материалов / Отв. ред. З. Г. Сактаганова. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2016. — 277 с.
5. ГАКО (Государственный архив Карагандинской области). — Ф. 469. — Оп. 2. — Дело 186. Отчет о работе школ за 1951–1952 уч. год.
6. Федченко М. Н. Повседневная жизнь советского человека (1945–1991 гг.): Монография. — Курган: Изд-во КГУ, 2009. — 231 с.
7. Сактаганова З. Г. и др. История городской повседневности Центрального Казахстана в 1946–1991 годы (с сюжетами демографической и социальной истории): Монография. — Караганда: Гласир, 2017. — 456 с.
8. Алпыспаева Г. А. и др. Антирелигиозное воспитание в системе школьного образования Казахстана в 50–80-е гг. XX века // Asian Journal “Steppe Panorama”. — 2025. — Т. 12, № 2. — С. 382–398.
9. Повседневность городов Центрального Казахстана в 1960-е – 1991 гг.: Сборник архивных документов и материалов. Часть II / Отв. ред. З. Г. Сактаганова. — Караганда: Гласир, 2017. — 320 с.
10. Сухомлинский В. А. Павлышская средняя школа. Избранные педагогические сочинения: в 3-х т. Т. 2. — М.: Педагогика, 1980. — 384 с.